7. Isachenko N.N. Koncept greha v sovremennom obshhestve // Al'manah sovremennoj nauki i obrazovanija. 2014. № 7. Ch. 1. S. 63–65.

8. Kolesov V.V. Jazyk i mental'nost'. SPb., 2004.

9. Konovalova N.I. Demonologicheskaja leksika kak fragment koncepta «sakral'noe v russkom jazykovom soznanii // Jazyk. Sistema. Lichnost'. Ekaterinburg, 2000. S. 551–556.

10. Koncept i fol'klornyj diskurs // Chelovek i ego diskurs / otv. red. M.R. Zheltuhina. M.; Volgograd: RAN; VGSPU, 2014. T. 4.

11. Kubrjakova E.S. Jazyk i znanie. Na puti poluchenija znanij o jazyke: chasti rechi s kognitivnoj tochki zrenija. Rol' jazyka v poznanii mira / Ros. akademija nauk. In-t jazykoznanija. M.: Jazyki slavjanskoj kul'tury, 2004.

12. Lihachev D.S. Zamknutoe vremja skazki // Pojetika drevnerusskoj lite-ratury. M.: Nauka, 1979. S. 225–228.

13. Lihachev D.S. Konceptosfera russkogo jazyka // Russkaja slovesnost': ot teorii slovesnosti k strukture teksta: antologija / In-t narodov Rossii [i dr.]; pod obshh. red. V.P. Neroznaka. M., 1997. S. 280–287.

14. Maslova V.A. Kognitivnaja lingvistika. Minsk, TetraSistems, 2008.

15. Mikeshina L.A. Filosofija nauki: Sovremennaja jepistemologija. Nauchnoe znanie v dinamike kul'tury. Metodologija nauchnogo issledovanija: ucheb. posobie. M.: Progress-Tradicija : MPSI : Flinta, 2005.

16. Oden U.H. «Pojet dolzhen podderzhivat' svjashhennuju prirodu jazyka». Interv'ju Majklu N'jumenu // Inostr. literatura. 2017. № 1. S. 192–235.

17. Ostrovskaja K.Z. Specifika konceptosfery narodnoj skazki i problema vybora metodologicheskogo instrumentarija dlja ee modelirovanija // Uspehi sovremennoj nauki. 2017. № 3. T. 3. S. 39–44.

18. Pimenova M.V. Jetnogermenevtika naivnoj jazykovoj kartiny vnutrennego mira. Kemerovo: Kuzbassvuzizdat, 1999.

19. Plahova O.A. Lingvosemiotika anglijskoj skazki: zhanrovoe prostranstvo, znakovaja reprezentacija, diskursivnaja aktualizacija: avtoref. dis. ... d-ra filol. nauk. Volgograd, 2013.

20. Popova Z.D., Sternin I.A. Kognitivnaja lingvistika. M.: AST: Vostok – Zapad, 2010.

21. Propp V.Ja. Russkaja skazka. L.: Izd-vo LGU, 1984.

22. Slyshkin G.G. Lingvokul'turnye koncepty precedentnyh tekstov. M.: Academia, 2000.

23. Stepanov Ju.S. Konstanty: Slovar' russkoj kul'tury. M.: Akademicheskij proekt, 2001. 2-e izd., ispr. i dop.

24. Chuvakin A.A., Koshhej L.A. Homo Loquens kak ishodnaja real'nost' i ob#ekt filologii: k postanovke problemy // Filologija i chelovek. 2006. № 1. S. 8–20.

25. Shahnarovich A.M., Golod V.I. Kognitivnye i kommunikativnye aspekty rechevoj dejatel'nosti // Vopr. jazykoznanija. 1986. № 2. S. 52–56.

The conceptual field "THE SACRED" in the fairy-tale discourse as a reflection of the naive world picture

The article represents an attempt to characterize the conceptual field "the sacred" from the point of interaction between three closely related linguistic sciences (linguoconceptology, discoursology and language world picture studies). The author researches the aspects of the conceptual field "the sacred" implemented in the fairy-tale discourse and leading to the conclusion about the supporting role of the conceptual field "the sacred" in the fairy-tale discourse.

Key words: *language world picture, naive world picture, mentality, concept, conceptual field, conceptual sphere, national conceptual sphere, sacred, fairy tales, fairy-tale discourse.*

(Статья поступила в редакцию 27.07.2017)

И.А. МИТРОНОВ
(Волгоград)

КОНЦЕПТ «КЛЯТВА» В РУССКИХ ПАРЕМИЯХ

Описывается опыт концептуализации речевого акта «клятва» носителями русскоязычного обыденного сознания на материале паремий. Определяется содержание ценностной составляющей клятвы как культурного концепта.

Ключевые слова: *речевой акт «клятва», концептуализация, обыденное сознание, паремия, ценностная составляющая концепта.*

Речевые акты, как и другие объекты действительности, подвергаются концептуализации и представляются в языковом сознании как совокупности накопленных о них (т.е. речевых актах) знаний в процессе исторического

© Митронов И.А., 2017

развития того или иного этнокультурного сообщества. Это означает, что речевой акт может быть рассмотрен как культурный концепт – «многомерное смысловое образование, в котором выделяются ценностная, образная и понятийная стороны» [10, с. 109]. В этом случае мы описываем номинативные и дескриптивные единицы, представляющие данный речевой акт в этноязыковом сознании. Вместе с этим речевой акт может быть рассмотрен и как собственно речевое действие с точки зрения мотивационно-целевых, ситуативных параметров, а также форм объективации в различных сферах общения. Здесь мы моделируем экстралингвистические параметры речевого акта и описываем экспрессивные единицы, выражающие его в коммуникативном поведении. Совмещением названных аналитических процедур в едином исследовании обеспечивается комплексность когнитивно-коммуникативного подхода к изучению речевых актов, а через это и языковых личностей [8; 16].

Концепт как лингвокогнитивное явление – это единица ментальных или психических ресурсов нашего сознания и той информационной структуры, которая отражает знания и опыт человека. Для выявления смыслового содержания концепта используются такие методы исследования, как этимологический анализ, компонентный анализ, анализ представляющих концепт паремий и др. [9, с. 34–44]. В настоящей работе описывается опыт концептуализации речевого акта «клятва» носителями русскоязычного обыденного сознания на материале паремий.

Слово *паремия* в русском языке возникло вне научной лексики, подобно многим словам, пришедшим в науку из лексики общенародного употребления либо из лексикона специальных слов других областей знаний. Оно было заимствованно из греческого языка и соответствовало русским словам *притча, пословица, поговорка* в их древнерусских значениях (согласно «Этимологическому словарю русского языка» М. Фасмера [17, т. 3, с. 206]). И.И. Срезневский выделял три значения паремии: «притча», «изречение»; «избранные места из Священного Писания, читаемые на богослужении»; «церковная книга, заключающая в себе паремии» [12, с. 881]. В XX в. слово *паремия* получило распространение в лингвистике и стало употребляться в качестве родового понятия по отношению к пословицам и поговоркам. В частности, в «Словаре лингвистических терминов» О.С. Ахмановой этому термину не отводится отдельная статья. В статье *словарь* дается составной термин *словарь паремиологический*, который толкуется как «словарь пословиц и поговорок» [2, с. 421]. Паремия упоминается в качестве гиперонима по отношению к терминам *пословица* и *поговорка* в монографии В.Н. Телии «Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты». В данной монографии за термином *паремия* поясняется в скобках: «пословицы и поговорки» [14, с. 58], что подтверждает его употребление в качестве родового понятия по отношению к пословицам и поговоркам.

Для концептуального анализа паремии весьма значимы в качестве репрезентантов накопленного опыта в результате историко-культурного развития общества. По мнению многих исследователей, паремиологические речевые единицы наиболее релевантны для изучения концептов [11; 14]. В них обнаруживается специфика познавательного опыта этноса, особенности объективации действительности. Человек осваивает действительность на основе образов, которые присущи паремиям, и в них же выражает свою оценку. Пословицы и поговорки обеспечивают бережное сохранение культурных и языковых традиций. Народный фольклор имеет зачастую морально-дидактическую направленность и оценочный характер.

В данной работе используются следующие источники материала: «Пословицы и поговорки русского языка» [4] и «Толковый словарь живого великорусского языка» В.И. Даля [5], «Сборник пословиц русского языка» В. Танчука [13], «Русские народные поговорки, пословицы, загадки и детский фольклор» В.П. Аникина [1], «Словарь русских пословиц и поговорок» В.П. Жукова [6], «Пословицы и поговорки русского народа. Большой объяснительный словарь» В.И. Зимина [7].

Анализ паремий позволяет подразделить их на две группы в зависимости от характера отношения носителей русскоязычного обыденного сознания к речевому акту «клятва» как единице обыденной коммуникации. Первую группу составляют паремии, выражающие недоверие носителей русскоязычного обыденного сознания к изучаемому речевому акту, который, как известно, и ориентирован адресантом на установление доверия со стороны слушателя / слушателей [16]. О недоверии людей к клятве свидетельствуют следующие изречения: *Кто без дела божится, на того нельзя положиться; Поневоле старуха клянется, коли врет* [7, с. 399]; *Кто много врет, тот много и божится; Ирод клянется, Иуда*

лобзает, да им веры неймут! [4, с. 653]; *Божбою прав не будешь; Уж он в десятые зарекается, не верь ему!* [5, т. 1, с. 107, 628]. Вторую группу составляют паремии, в которых клятва рассматривается как речевое действие, нарушающее нормы социального взаимодействия, и определяется как грех. Само слово *грех* и производный от него глагол *согрешить,* а также наречие *грешно* употребляются в этой семантической группе многократно. Это свидетельствует о том, что клятва, согласно представлениям русских, в обыденной коммуникации рассматривается как грех: *Горе клянущемуся, а вдвое на грех (на клятву) ведущему; В напрасне побожиться – черта лизнуть* [4, с. 654]; *Божиться грешно, да без греха жить не можно; Добожился до греха* [5, т. 1, с. 107]; *Где клятва, там и преступление* [7, с. 399].

Отношение русского человека к клятве, как и в целом сознание русскоязычных людей, формировалось под влиянием христианства. Не рекомендуется прибегать к ней в обыденной коммуникации, в быту. В Евангелии от Матфея мы встречаем высказывание о том, что Бог отрицает клятву всуе: «А Я говорю вам, говорит Господь: не клянись вовсе ни небом, потому что оно престол Божий; ни землею, потому что она подножие ног Его; ни Иерусалимом, потому что он город великого Царя; ни головою твоею не клянись, потому что не сможешь ни одного волоса сделать белым или черным. Но да будет слово ваше: “да, да”; “нет, нет”; а что сверх этого, то от лукавого» [3, Мат. 5: 34, 35, 36, 37]. Клятва вызывает страх у представителей русской лингвокультуры перед Божьей карой за нарушение завета, что находит свое выражение в пословицах и поговорках: *Клятва умному страшна, а глупому смешна* [7, с. 400]; *Что обет, что зарок опасны; Неведомый обет главу Предтечи на блюдо сложишь; Как взбожится, страшно слушать стало* [5, т. 2, с. 640; т. 1, с. 107].

Рассмотрение клятвы как греха вполне закономерно обусловливает речеповеденческую ценностно-нормативную установку «Не клянись», которая предостерегает от клятвы в обыденной коммуникации. В русских пословицах и поговорках встречаются следующие примеры: *Не божись, кровь носом пойдет; Не божись: и без божбы грехов за плечами в кошель не снесешь; Не божись, в долг поверю; Не клянись, матка, не рожать дитятка, родишь поневоле* [4, с. 653, 655]; *Не божись, и без божбы никто не поверит* [5, т. 1, с. 107].

Во второй семантической группе, выражающей ценностное освоение в русской этнокультуре концепта «клятва», говорится также о том, что клятва по принуждению либо не грех, либо грех отпускаемый. В эту группу вошли следующие паремии: *Невольная (нуженая) клятва отпускается; Нуженая присяга – не наш грех; Нуженого Бог прощает* [4, с. 655]. Народная мудрость зафиксировала, что нарушение клятвы, которая была дана по принуждению, не предполагает санкций со стороны высших сил, т.е. Бога, не является грехом.

Итак, речевой акт «клятва» как единица обыденной коммуникации вызывает у носителей русскоязычного обыденного сознания недоверие и рассматривается ими как грех, порождающий страх перед Божьей карой за нарушение завета. При этом вынужденная клятва либо грехом не считается, либо определяется как грех отпускаемый. Названные характеристики отношения носителей русскоязычного обыденного сознания к изучаемому речевому акту как единице обыденной коммуникации и определяют содержание ценностной составляющей клятвы как культурного концепта.

Список литературы

1. Аникин В.П. Русские народные пословицы, поговорки, загадки и детский фольклор. М.: Учпедгиз, 1957.
2. Ахманова О.С. Словарь лингвистических терминов. М.: Сов. энцикл., 1966.
3. Библия: книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета: канонические: в рус. пер. с парал. местами. М.: Российское библейское общество, 1994.
4. Даль В.И. Пословицы русского народа. М., 1957. 1-е изд.
5. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. М.: ТЕРРРА – TERRA, 1994.
6. Жуков В.П. Словарь русских пословиц и поговорок. М.: Рус. яз., 2000. 7-е изд., стер.
7. Зимин В.И. Пословицы и поговорки русского народа: большой объяснительный словарь. Ростов н/Д. – М., 2008. 4-е изд., стер.
8. Карасик В.И. Благодарность: концепт и жанр // Жанры речи. Вып. 7: Жанр и языковая личность. Саратов: Изд. центр «Наука», 2011. С. 235–254.
9. Карасик В.И., Красавский Н.А., Слышкин Г.Г. Лингвоконцептология: учеб. пособие к спецкурсу. Волгоград: Изд-во ВГСПУ «Перемена», 2014.
10. Карасик В.И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. М.: Гнозис, 2004.
11. Маслова В.А. Введение в лингвокультурологию: учеб.пособие. М.: Наследие, 1997.
12. Срезневский И.И. Словарь древнерусского языка. Репринтное издание: в 3 т. (шести книгах) М.: Книга, 1989. Т. 2.

13. Танчук В. Сборник пословиц русского языка. Нью-Йорк, 1986.

14. Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический характер. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996.

15. Чесноков И.И. Месть как эмоциональный поведенческий концепт (опыт когнитивно-коммуникативного описания в контексте русской лингвокультуры): дис. … д-ра филол. наук. Волгоград, 2009.

16. Чесноков И.И. Речевой акт «клятва»: истоки и первичные формы объективации // Изв. Волгогр. гос. пед. ун-та. Сер.: Филологические науки. 2013. № 9(84). С. 4–7.

17. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: в 4 т. М.: Прогресс, 1986. Т. 3.

* * *

1. Anikin V.P. Russkie narodnye poslovicy, pogovorki, zagadki i detskij fol'klor. M.: Uchpedgiz, 1957.

2. Ahmanova O.S. Slovar' lingvisticheskih terminov. M.: Sov. jencikl., 1966.

3. Biblija: knigi Svjashhennogo Pisanija Vethogo i Novogo Zaveta: kanonicheskie: v rus. per. s paral. mestami. M.: Rossijskoe biblejskoe obshhestvo, 1994.

4. Dal' V.I. Poslovicy russkogo naroda. M., 1957. 1-e izd.

5. Dal' V.I. Tolkovyj slovar' zhivogo velikorusskogo jazyka: v 4 t. M.: TERRRA – TERRA, 1994.

6. Zhukov V.P. Slovar' russkih poslovic i pogovorok. M.: Rus. jaz., 2000. 7-e izd., ster.

7. Zimin V.I. Poslovicy i pogovorki russkogo naroda: bol'shoj ob#jasnitel'nyj slovar'. Rostov n/D. – M., 2008. 4-e izd., ster.

8. Karasik V.I. Blagodarnost': koncept i zhanr // Zhanry rechi. Vyp. 7: Zhanr i jazykovaja lichnost'. Saratov: Izd. centr «Nauka», 2011. S. 235–254.

9. Karasik V.I., Krasavskij N.A., Slyshkin G.G. Lingvokonceptologija: ucheb. posobie k speckursu. Volgograd: Izd-vo VGSPU «Peremena», 2014.

10. Karasik V.I. Jazykovoj krug: lichnost', koncepty, diskurs. M.: Gnozis, 2004.

11. Maslova V.A. Vvedenie v lingvokul'turologiju: ucheb.posobie. M.: Nasledie, 1997.

12. Sreznevskij I.I. Slovar' drevnerusskogo jazyka. Reprintnoe izdanie: v 3 t. (shesti knigah) M.: Kniga, 1989. T. 2.

13. Tanchuk V. Sbornik poslovic russkogo jazyka. N'ju-Jork, 1986.

14. Telija V.N. Russkaja frazeologija. Semanticheskij, pragmaticheskij i lingvokul'turologicheskij harakter. M.: Shkola «Jazyki russkoj kul'tury», 1996.

15. Chesnokov I.I. Mest' kak jemocional'nyj povedencheskij koncept (opyt kognitivno-kommunikativnogo opisanija v kontekste russkoj lingvokul'tury): dis. … d-ra filol. nauk. Volgograd, 2009.

16. Chesnokov I.I. Rechevoj akt «kljatva»: istoki i pervichnye formy ob#ektivacii // Izv. Volgogr. gos. ped. un-ta. Ser.: Filologicheskie nauki. 2013. № 9(84). S. 4–7.

17. Fasmer M. Jetimologicheskij slovar' russkogo jazyka: v 4 t. M.: Progress, 1986. T. 3.

Concept of "oath" in Russian proverbs

The article deals with the experience of conceptualization of the speech act "oath" by Russian native speakers based on proverbs. The author describes the value component of oath as a cultural concept.

Key words: *speech act, "oath", conceptualization, everyday consciousness, proverb, value component of the concept.*

(Статья поступила в редакцию 18.07.2017)

Н.М. ГУЛЬЯНЦ
(Москва)

СИМВОЛИЧЕСКИЕ ОБРАЗЫ КАК ВЫРАЖЕНИЕ РЕЛИГИОЗНЫХ ВОЗЗРЕНИЙ АВТОРА В РОМАНЕ Д.Ф. КУПЕРА «БЛУЖДАЮЩИЙ ОГОНЬ, ИЛИ КРЫЛО-И-КРЫЛО»

Анализируются символические образы в позднем «морском» романе Ф. Купера «Блуждающий огонь, или Крыло-и-Крыло», служащие выражению христианского мировоззрения писателя. Основное внимание уделяется образам корабля (символизирующего жизненный путь героя), моря (как символа Божественной Воли), а также образу звезды, возвещающей герою о спасении. Рассматриваются другие особенности преломления религиозной тематики в романе.

Ключевые слова: *религиозная тематика, символические образы, образы корабля, моря, звезды, Д.Ф. Купер, Блуждающий огонь, или Крыло-и-Крыло.*

Обращение к религиозной тематике явилось одной из важнейших особенностей позднего творчества Фенимора Купера. В последних романах писателя тема религии становит-

© Гульянц Н.М., 2017